

Е.А. Самарская

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.10.12883

РАЙМОН АРОН: «ИДЕАЛЬНО-ТИПИЧЕСКИЙ» МЕТОД РАССМОТРЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ

Аннотация. Предметом исследования в статье является идеально-типический метод Р. Арона в подходе к изучению индустриальных обществ. Он сформировался у него в 50-е гг. XX века, когда Арон работал над циклом лекций об индустриальных обществах, анализируя их экономику, социальную структуру, политические режимы и культуру. Метод был направлен против идеи линейно-восходящего прогресса общества, которой придерживались многие марксисты того времени, как в Советском Союзе, так и за его рубежами. Метод Арона базировался на сравнении индустриальной политики в разных странах и вычленении типов индустриального роста и потому назывался еще «описательно-генерализующим». Автор обратился к этой теме, чтобы подойти к решению современных вопросов о перспективах взаимодействия разных исторических сообществ.

Методология состояла, во-первых, в сравнении замысла Арона и его выводов, которые далеко не совпадают друг с другом, во-вторых, в сопоставлении идей либерала Арона со взглядами на те же вопросы представителей французских нетрадиционных левых.

Новизна статьи заключается в обращении к интересному историко-философскому вопросу о борьбе между марксизмом и либеральным видением истории в 50-х гг. прошлого века. Автор делает вывод, что Арон хотел разрушить марксистскую идею прогресса, но, в конечном счете, пришёл к решениям, которые представляют как бы марксизм наоборот: вместо советского социализма, который многие левые считали вершиной истории, Арон сделал такой вершиной западный капитализм. Другой вывод дополняет первый, он касается идеи Арона о гетерогенности культур в мире. Опираясь на идеи нетрадиционных левых (Эллюль, Касториadis), автор показывает, что рационализация современных обществ затрагивает и сферу культуры. Это свидетельствует о сильной идейной оппозиции тезису Арона о независимости национальных культур от индустриального роста.

Ключевые слова: история, индустриальное общество, исторические типы, наука, техника, прогресс, политика, экономика, рационализация, нетрадиционные левые.

Марксизм воспитал целые поколения людей, верящих в линейно-восходящий прогресс истории, в то, что общества следуют друг за другом соответственно развитию производительных сил: чем выше уровень производства, тем прогрессивнее общество. Вершиной этого процесса должен был явиться коммунизм, которым завершится предистория человечества и начнется его подлинная история. Сокрушительный удар по марксистскому видению истории нанесла уже российская социалистическая революция 1917 г., руководители которой, за исключением Л. Троцкого и, может быть, В. Ленина с его проектом нэпа «всерьез и надолго», постепенно решились строить социализм на более

низком уровне производства, чем тот, который существовал на капиталистическом Западе. Тогда произошел раскол в международной социал-демократии: одни (К. Каутский, Г.В. Плеханов) настаивали на традиционном марксистском подходе, другие, новаторы-большевики во главе с Лениным донэповского периода, считали, что возможно начать (только начать!) социалистическую революцию в России, стране, не входившей в число передовых капиталистических стран. Но как бы то ни было, марксисты-ленинцы долго верили в линейный прогресс истории, на этой вере укрепились не только теоретики, но даже такие огромные государства, как Россия и Китай. В него верили и многие на Западе, даже не принадлежавшие к марк-

системным партиям и такой догматизм продолжался у них вплоть до 50-х гг. XX в.

Р. Арон был одним из первых, кто начал разрушать эту догму. Не принимая ее, он не стал и на точку зрения множественности и обособленности культур, примером чего может служить концепция истории О. Шпенглера, а избрал «золотую середину» - идеально-типический метод рассмотрения современных обществ, называя его также «описательно-генерализующим» методом.

По словам самого Арона в книге «Восемнадцать лекций об индустриальных обществах» в молодости он тяготел скорее к релятивизму и делал акцент на эпистемологической значимости взгляда историка-наблюдателя. В этом отношении он следовал М. Веберу, который придерживался традиций неокантианской школы. Соответственно им, реальность бесформенна, представляет скопление разнообразных фактов, порядок и единство в которые привносит социолог, интерпретация социальных феноменов связана поэтому с особым взглядом наблюдателя. Теперь (в пятидесятые годы), говорит Арон, я думаю, что общество не представляет собой «несвязную множественность»: «Социальная реальность не является ни тотальной, ни бессвязной и вот почему нельзя утверждать догматически ни универсальной значимости определенной теории социальных типов, ни релятивизма всех теорий»¹.

Здесь необходимо вспомнить, как подходил Арон к проблемам исторического метода в своей ранней работе «Введение в философию истории» (1938). Ее главная тема – человек в истории и история, понятая через природу человека, человеческой активности. Арон исходил из того, что история имеет множество детерминистских цепей, но ее детерминизм имеет неполный характер, он оставляет место для проявления человеческой воли, которая вносит в историю определенную тотальность. Последняя имеет разный масштаб в зависимости от того, идет ли речь об индивидуе или о больших группах людей, но эта тотальность не абсолютна, она относительна, так как завершена лишь ретроспективно, но не в отношении будущего. Тотальность истории не бывает полной, полная тотальность находится, если можно так сказать, в бесконечном становлении, ею «обладал бы философ, если бы человек

исчерпал свою историю, закончил бы творить самого себя и вообще творить»².

Суть ароновского понимания человеческой деятельности полностью раскрывается в таком его высказывании: «Историческая тотальность не существует в себе, но для нас. Мы ее составляем из фрагментов, собранных и организованных ретроспективно посредством единства нашего интереса или единства, которое мы придаем эпохам или культурам. Непосредственное наблюдение раскрывает перед нами множество деятельностей и пробелы необходимости в объекте. Разрывы в каузальной цепи оставляют место для действия, незавершенность и различие сфер – для решений личности»³.

О чем говорит эта краткая отсылка к ранней работе Арона? О его интересе к человеческой деятельности, к проблемам свободы и выбора в истории. С этой точки зрения Арон подходит даже к интерпретации марксистского проекта, создатели и сторонники которого претендовали на знание объективной необходимости истории и отождествляли свободу с познанной необходимостью, а последнюю с социализмом. Он предлагает другую, антропологическую интерпретацию марксизма: вывод о неизбежной победе социализма в результате классовой борьбы в капиталистическом обществе представляет собой исторический выбор и как таковой он относителен и выражает экзистенциальную позицию. В конце жизни, когда Арон писал «Мемуары», он отмечал, что всякий исторический выбор, будь то коммунистический проект или либеральная демократия, ориентируется не только на соображения экономической или институциональной эффективности, такой выбор определяется и стремлением «воплотить тот или иной тип человека»⁴, выстроенный либо на принципах «свободы личности», либо «коллективного долга».

По сравнению с ранней работой Арона в цикле работ об индустриальных обществах, написанных в 50-ые-60-ые гг. XX в., изменяется объект изучения: если раньше он был занят проблемой соотношения человека и истории, то теперь объектом изучения выступает индустриальная цивилиза-

¹ Aron Raymond. Dix-huit lecons sur la societe industrielle. Paris, 1962. P. 271.

² Aron Raymond. Introduction a la philosophie de l'histoire. P., 1968. P. 349.

³ Ibid. P. 377.

⁴ Арон Раймон. Мемуары. М., 2002. С. 141.

ция. Это повлекло за собой серьезные изменения исторического метода, но при этом сохранились его важные опорные пункты. Детерминистский подход к истории (идея неполного детерминизма) оживает в тезисе о рациональности и универсальности истории, которые также не имеют абсолютного характера. Идея свободы индивидов и групп и исторического выбора развивается как идея творчества народов и гетерогенности их культур. Эта связь философско-исторического метода ранней работы Арона и его метода идеальной типизации помогает понять отличие его трактовки индустриального общества от трактовок других французских авторов, писавших на эту тему.

Главным противником Арона по вопросу об историческом методе был марксизм, его социологическому тоталитаризму он противопоставил идею об «идеальных типах» индустриальных обществ. Чем же закончилось это противопоставление? Собственно, Арон усматривал два типа индустриальных обществ – западный и советский, это вариации, сложившиеся на определенном уровне инфраструктуры, то есть некоего состояния производительных сил, науки, техники. Вначале он настаивал на равнозначности названных двух типов, на их равной способности к индустриальному прогрессу, несмотря на глубокие различия в собственности (с одной стороны, частная, с другой, государственная), в способах регулирования экономики (с одной стороны, рынок, с другой, план). Но эта равнозначность относится именно к «идеальному типу», а не к конкретным политико-экономическим режимам. Надо признать, что граница между «идеальным типом» и конкретным режимом не прописана Ароном четко и, фактически, речь у него идет о реальном, а не «идеальном» типе Запада и реальном Советском Союзе. Впрочем, он сам признает это, когда пишет: «Нужно не осуждать или восхвалять определенный тип индустриальных обществ, не выносить суждение об идеальных типах, а рассматривать конкретные режимы, исторические единства»⁵. Но главное не в том, что не прописана ясно граница между идеальным типом и реальным режимом, главное в том, что в конце своих рассуждений об идеальных типах, Арон вынужден констатировать их далеко не одинаковые потенции. Но пока он наделяет их сходными чертами: оба типа имеют дух научности, стремление

к росту, прогрессу, стремление к рациональному расчету, уверенность в безграничности желаний индивидов. Арон вообще считал, что буржуазная идеология и марксизм имеют общие цели и амбиции: «и с той, и с другой стороны хотят наилучше использовать естественные ресурсы, производить по возможности больше, те и другие думают, что не достойны жизни те, кто не трудятся. Каждая из двух групп применяет эти принципы различными методами. В итоге обе философии экзальтируют труд, изобилие и прогресс»⁶. Декларируя мысль о равнозначности западной и советской моделей роста, Арон, между тем, вскоре признает, что на деле они далеко не равноценны. А именно, советская модель оказывается просто вариантом перехода от традиционного общества к индустриальному, в ней (модели) «экономическо-военная сила не имеет никакой общей меры с уровнем жизни населения и с тем, что можно бы назвать общей инфраструктурой индустриальной цивилизации. Огромная индустрия, иногда равного или высшего качества по сравнению с западными индустриями, оказалась внедрена на основе традиционной цивилизации»⁷. Напрашивается вопрос, являются ли это слова критикой конкретного режима или «идеального типа»? Ясно, во всяком случае, из этих слов, что западные страны дают образец роста, незападные страны идут вслед, но разными путями в зависимости от их исторической судьбы.

Арон в своих лекциях об индустриальных обществах, об их экономике, классовой структуре, политике нанес сильный удар по советской идеологии, определив советскую систему как особый путь модернизации, только получившей название социализма. Все марксистско-советские надежды на построение нового общества, более передового, чем капитализм, были тем самым развенчаны, построенный в СССР социализм оказывался по сути только особым путем построения начальных фаз индустриализации. Хотя у него были крупные достижения, например, в покорении космоса, в мирном и немирном использовании атомной энергии и др., которые поставили его на уровень высокоразвитых стран, все же Арон писал, что «Советская система имела заслугу или провинность назвать строительством социализма то, что в XIX веке на-

⁵ Aron Raymond. Dix-huit lecons sur la societe industrielle. Paris, 1962. P. 144.

⁶ Aron Raymond. La lutte de classes. P., 1964. P. 182-183.

⁷ Aron Raymond. Dix-huit lecons sur la societe industrielle. Paris, 1962. P. 241.

зывали накоплением капитала»⁸. Такой ход мыслей вёл, с одной стороны, не только к развенчанию советского социализма, он, с другой, подрывал мысль самого Арона о равнозначности двух моделей роста. Вторая из них представляет собой переход от традиционных обществ к индустриализму. Где же тут равноценность индустриальных типов? Арон как бы создает свой собственный догматизм, противоположный марксистскому, в его догматизме Запад – это единственный полноценный образец индустриального роста, к достижению которого должны стремиться остальные страны, вступающие на путь индустриализации. Но при этом он не соглашается как с тем, что по мере индустриального роста произойдет смена капитализма социализмом (марксистский тезис), так и с тем, что по мере развития советское общество избавится от черт, присущих первой фазе роста – от командной роли государства и планирующих органов, от запрета на использование механизмов рынка, от авторитаризма и тоталитаризма, присущих первой фазе роста, и достигнет более высоких фаз роста, свойственных передовым капиталистическим странам. И все же Арон был уверен в перспективности советской модели роста на долгие годы, можно сказать, он нередко льстил большевикам, преувеличивал производственные возможности советского режима, называл Советский Союз второй страной мира по ее производственному могуществу, писал, что она имеет шанс стать первой в экономическом соперничестве с Западом.

Соотношение двух ароновских моделей роста четко видно при рассмотрении соответствующих им политических структур. Обе модели он считал демократическими (эгалитарными), но повторял, что на Западе преобладает режим эгалитарно-либеральный, а в России – эгалитарно-деспотический. Первый из упомянутых режимов многопартийный, плюралистический, второй – режим одной монополистической партии. У истоков последнего режима были большевики, теоретические установки которых, по Арону, не имеют ничего общего с марксистской доктриной. Он, можно сказать, дивится тому уменью, с каким большевики выковали свое государство: они «открыли метод экономического строительства и индустриализации, который имеет свои преимущества и неудобства, который можно считать высшим по отношению к западной индустриализации, но который не

имеет никакого отношения к идее Маркса о роли социализма»⁹; в политической области они открыли «современную технику абсолютной власти»¹⁰, создали сильное государство, власть которого не подрывается конфликтами между социальными группами и партиями. Большевики не были «доктринерами», они проявили чрезвычайную гибкость в своей тактике. Арон выступал против упрощенных трактовок большевистского режима, когда мажут все одной краской: «Теория советского политического режима должна быть сложной, различные феномены, объединенные в советском режиме, не объясняются ни единственной схемой, ни единственной причиной. Советский режим имеет заслугу открыть технику индустриализации, неизвестную до него, ясного понимания которой не существовало заранее. Эта техника индустриализации была приведена в действие политическим режимом, который представляет комбинацию абсолютной власти одного или нескольких лиц и многочисленную бюрократию, которая выполняет совокупность функций технического, экономического, административного и идеологического порядка в обществе. Многие империи прошлого аналогичные институты. Но этот режим бюрократического абсолютизма включает также черты революционного происхождения. Противоречивый и захватывающий характер режиму придает то, что он комбинирует бюрократический абсолютизм и революционную волю»¹¹.

Однако, несмотря на то, что Арон отдает должное изобретательности большевиков в государственном строительстве, несмотря и на то, что он считает политические режимы Запада и СССР равно способствующими индустриальному росту, несмотря на то, что он отказывается заявить, что один из режимов хорош, а другой плох, он утверждает приоритетную роль западного политического и экономического режима. Хотя обе разновидности режимов он считал «несовершенными», но при этом говорил, что их несовершенство разное: конституционно-плюралистические режимы имеют фактические несовершенства, тогда как несовершенство режима монополистической партии связано с его сущностью: воля партии проводится

⁸ Ibid. P. 245.

⁹ Aron Raymond. Sociologie des sociétés industrielles. P., 1964. P. 158.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid. P. 202.

силой, а интересы социальных групп подавляются. Вопрос в том, до какой степени население готово терпеть насилие? Арон в пятидесятые годы высказывал предположение, что победа в соперничестве двух режимов достанется Западу и именно потому, что эти режимы могут выполнять и свои задачи, и те, которые декларируются в Советском Союзе, например повышение благосостояния народа, уровня образования населения, достижение идеала политического равенства. Что в результате остается от идеи Арона о равнозначности моделей индустриального роста?

Идея Арона об «идеальных типах» индустриального роста тесно связана с его различением рациональных аспектов общественной жизни и аспектов, которые находятся за пределами рациональности. Оно позволяет лучше понять структуру «идеальных типов» индустриального общества и их перспективы. К внерациональным сферам он относил прежде всего культуру, но часто также экономику и политику. Рациональна инфраструктура индустриальных обществ – техника, наука, производство, они подвержены росту, развитию, тогда как указанные выше нерациональные феномены не подвержены развитию, хотя в них происходят изменения. Если взять культуру одной или разных стран, то к ним невозможно применить понятие прогресса, невозможно построить иерархию культур: такие то формы культуры выше, а такие то ниже. В работе «Три очерка об индустриальной эпохе» Арон приписывает идею плюрализма культур этнологам (напр., Леви-Строссу), у них культура не подлежит прогрессу, но каждая из них знает свои времена подъема и упадка. Арон не согласен с такой трактовкой плюрализма культур, так как в каждой из них он видит еще присутствие в разной степени разума, научности. Вообще наука, техника, разум составляют также приоритетные ценности человека. Они не представляют феноменов особой (западной) культуры, их призвание универсально, ведь именно разум отличает *homo sapiens*. В этих рассуждениях чувствуется нечто противоречивое: то культура нечто внерациональное, то она обнаруживает присутствие универсального разума. Разъяснение можно найти, обратившись снова к работе «Восемнадцать лекций об индустриальных обществах».

Он там писал, что есть виды деятельности, в отношении которых можно говорить о прогрессе, то есть о превосходстве настоящего над прошлым и будущего над настоящим. «Это такие виды де-

ятельности, результаты которых аккумулируются или их результаты имеют количественный характер»¹². Это наука, техника, производство в отличие от политики и экономики: «Суждения о прогрессе в экономике вдвойне хрупки, потому что существует множество критериев внутри самой экономики и множество критериев ей внешних»¹³. В области политики еще труднее найти единые образные критерии и решающую цель, поэтому трудно говорить о ее прогрессе. В искусстве существуют только различия, а не прогресс, а политика, хотя и не обнаруживает линию прогресса, какая есть в науке и технике, но она не подобна и искусству: «Развитие политики, мне кажется, обнаруживает диалектические свойства. Политика может быть сведена к малому числу фундаментальных проблем, различные политические режимы могут быть рассматриваемы как различные ответы на одну проблему, от одного режима к другому переходят не как от зла к добру, не как от низшего к высшему, а как от одного решения к другому, из которых каждое имеет и определенные преимущества, и определенные недостатки. Сохранение всех преимуществ, исключение всех недостатков – не более, чем идея разума, находящаяся на горизонте истории.»¹⁴. Арон называет некоторые из таких фундаментальных проблем: как примирить между собой неравенство власти и престижа с участием всех в политической общности; как примирить стремление к равенству и существующее в обществе неравенство; как соблюсти мудрость управления и проведение в жизнь воли народа, что не всегда совместимо; и, наконец, как осуществить требование справедливого общественного устройства и необходимость силы (милитаризм). Ответ Арона на вопрос об отношении к прогрессу экономики и политики из этого достаточно ясен, он выдержан в духе его идеи об «идеальных типах» общественного развития, ее нацеленности на отыскание общего и особенного в развитии обществ.

Эту тему Арон развивает в работе 1969 г. «Разочарование в прогрессе», в разделе о «диалектике универсальности». В ней он фиксирует материальную унификацию современной цивилизации и «гетерогенность» (различие и обособленность) на-

¹² Aron Raymond. Dix-huit leçons sur la société industrielle. Paris, 1962. P. 77.

¹³ Ibid. P. 85

¹⁴ Ibid. P. 86.

родов и государств. Его занимал вопрос, отрекутся ли нации от своей обособленности и автономии в пользу единого планетарного государства? Арон склоняется к отрицательному ответу на этот вопрос. Силу универсальности, сближающую все регионы мира, несут в себе наука, техника, производство и, между тем, страны и народы дорожат своей автономией и своеобразием. Главное препятствие к их единству Арон видел в разнице культур. Он писал «законно ли переходить от универсальности истины, науки, от универсальной действенности техники к универсальному призванию индустриальной цивилизации? Эта последняя предполагает, быть может, ценностные утверждения. ...Но понятия равенства, личности или свободы смутны и двусмысленны, значат ли они что-либо для умов вне Запада? Достаточны ли они для определения проекта, общего для всех индустриальных обществ, советского или западного, американского, китайского или индийского? Не имеет ли каждое общество потребность в собственном принципе связи, в особой системе верований, короче, то ли в идеологии, исходящей из «гражданского общества» и государства, то ли в некоей религии?»¹⁵. Если группировать все эти вопросы, получается один глобальный вопрос: «до какой степени, фактически и в принципе, индустриальная цивилизация может предложить ценности и цели всему человечеству?»¹⁶. Можно повторить ответ Арона: индустриальная цивилизация, неся в себе материальную унификацию регионов мира, оставляет в неприкосновенности творческую свободу искусств, все области за пределами «рационального и производительного труда»¹⁷. Но адекватность такого ответа может быть поставлена под сомнение, если принять во внимание убежденность Арона, что Запад является образцом индустриального роста для отсталых регионов мира. Однако существенный вопрос заключается в том, остается ли культура безразлична к изменениям в индустрии.

Есть группа авторов, в том числе французских (о них будет сказано ниже), которые настаивают на том, что технизация общественной жизни вызывает изменения в политике (массовая демократия, с одной стороны, усиление роли экспертов в управ-

лении, с другой), в экономике (распространение плановых начал в рыночной экономике) и, главное, изменения межличностных отношений людей, изменения в области быта и досуга. Это авторы, принадлежащие к нетрадиционным французским левым (Ж. Эллюль, К. Кастириадис). Оставаясь в круге представлений, связанных с описанием индустриальных обществ, Арон получал возможность фиксировать определенную разницу между сферами рационального и иррационального (культуры). Он утверждал, что хотя индустриальная цивилизация несет в себе определенное варварство, лишая очарования отношение людей к природе и друг к другу, но это варварство необходимое для спасения человечества от нищеты. За пределами варварства в обществе остается нечто священное: «священной должна оставаться культура, то есть совокупность произведений духа (включая, понятно, позитивную науку), и творчество человеком самого себя»¹⁸. Так Арон подтверждал свой тезис о том, что особая культура разных регионов ставит под вопрос универсальность индустриальной цивилизации. Набрасывая эскиз будущего мирного человечества, Арон предполагал возможность расширения рациональной администрации в планетарном масштабе, когда только культура останется предметом свободного выбора индивидов и групп, являясь «религией частной сферы». Это его идиллическая картина будущего.

Но у Арона есть другой ответ на вопрос о перспективах универсальности – неуниверсальности индустриальной цивилизации. Он сформулирован, например, в заключении к книге «Разочарование в прогрессе», носящем название «Техника и история»: универсальности индустриальной цивилизации мешает неравенство экономического развития разных стран. История не приемлет рационального управления: нельзя, например, подчинить историю цели избавления человечества от нищеты. Это невозможно, потому что экономическая история обрела другой смысл, в ней преобладает воля к силе и богатству, а не полное духа солидарности стремление к разумным целям. Жадное пристрастие к богатству и могуществу, неравенство развития «исключает радикальным образом политическую унификацию человечества на планетарном уровне»¹⁹. Здесь препятствием к унификации вы-

¹⁵ Aron Raymond. Les desillusions du progres. Paris, 1969. P. 250.

¹⁶ Ibid. P. 274.

¹⁷ Ibid. P. 275.

¹⁸ Ibid. P. 276-277.

¹⁹ Ibid. P. 228.

ступает уже не различие культур, ценностных установок, а иррациональные страсти человека.

Мысля в пределах индустриального общества, Арон еще воспринимал внерациональное как позитивное начало, как ценности, которые сосуществуют с рациональным строем жизни и играют в истории существенную роль. Если же обратиться к авторам постиндустриальной направленности, то они гораздо сильнее подчеркивают рационализм современных обществ, можно сказать, что они раздвинули рамки рационального в обществе до невероятных размеров, объявляя рациональным, кроме науки и техники, еще политику, экономику, культуру. Рациональное затопило собой современные общества, оставляя людям крошечные пространства вне рационального (в смысле гуманистического, ценностного начала).

Спокойный и вдумчивый стиль Арона в изображении индустриального общества, признание им действительности техники, сосуществования рационального начала с творческим выбором в истории (культура) имеет резкий контраст с подходом к этим вопросам некоторых теоретиков, размышлявших над природой постиндустриального общества. Например, с подходом Ж. Эллюля. Арон говорил, что не разделяет того страха перед техникой, который испытывает Эллюль. Здесь возникает интересный вопрос, является ли причиной подобных расхождений различие имеющихся у теоретиков моделей указанных обществ или дело заключается в политической тенденциозности того и другого? Кажется, верно и то, и другое.

Расширение сферы рационального составляет важную черту моделей постиндустриального общества, которое не отделено стеной от индустриального общества, а представляет резкое развитие его тенденций и, прежде всего, рационализации всей общественной жизни. По этой причине новое общество оказывается гораздо более заорганизованным, чем было индустриальное общество начала и середины XX в. (в результате увеличения плановых начал в экономике, роста социальных функций государства, управление массами со стороны СМИ и т.д.). Эллюль в работах «Техника или ставка века» (1954) и «Технологический блеф» (1988) нарисовал обобщенную картину роста техники, этой преобладающей формы рационального в обществе. Он считал технику центром, основой современного общественного устройства, различая при этом технику в собственном смысле слова и технику в широком плане, которая сводится к

системе рационализаций, охватывающей все стороны общественной жизни. Последняя адаптирует общество к машине, она «проясняет, упорядочивает и рационализирует», распространяя повсюду закон эффективности. Обращаясь к прошлому Эллюль пишет, что индустриальная революция XIX в. уже была и революцией машин, и созданием рациональных систем – администрации, полиции, права и т.д. «Большая работа рационализации, унификации, прояснения производится повсюду, как в части бюджетных правил и фискальной организации, так и в области меры и веса или в проведении дорог. Все это дело техники. С этой точки зрения можно сказать, что техника служит стремлению людей господствовать над вещами силою разума, сделать измеримым подсознательное, количественным качественное, подчеркнуть большой черной чертой контуры света, отбрасываемого на сумятицу природы, наложить руку на хаос и подчинить его порядку»²⁰. Со сказанным можно согласиться, но добавив, что техника в широком смысле слова (как организация) существовала задолго до появления современной техники, организация труда раньше машин. Эллюль прав, по-видимому в том, что роль техники в прежние времена была незначительной, в силу чего общественная жизнь была отдана во власть «социальной спонтанности», в ней доминировала частная инициатива, случайные решения и традиции. Сегодня техника (в смысле организации) господствует в обществе во всех его сферах.

Как в экономике, так и в политике, управление, считает Эллюль, и в этом он не одинок, переходит к людям науки, «техникам». Современное государство функционирует как машина, не столько воля правителей, политических деятелей лежит в основе политических актов, сколько решения экспертов относительно современного состояния государства и его перспектив. В пятидесятые годы Эллюлю казалось, что социалистические и вообще тоталитарные государства более техничны, чем демократические. Он имел иллюзию, будто сталинское государство действовало исключительно на базе рационального расчета. В восьмидесятые годы он поймет, что чрезмерная рационализация приводит к абсурду иррациональности, что и произошло в советской экономике в силу чрезмерно централизованного планирования. Поистине план в данном случае привёл к анархии и неуправля-

²⁰ Ellul J. La technique ou l'enjeu du siècle. Paris, 1954. P. 40.

емости экономики. Но ранее он думал, что общее развитие государственности идет по пути, предложенному Сталиным. Государство в такой ситуации «не является выражением воли народа, ни творением бога, ни средством классовой борьбы. Это предприятие со службами, которые должны хорошо функционировать. Предприятие, стремящееся к рентабельности и максимальной эффективности и имеющее в основе движение нации»²¹. Политическая техника извращает традиционную демократию, она создает новую аристократию. Население делится на «толпу» (элементы социальной машины) и «избранных», которые понимают ход техники и могут влиять на него. В перспективе, думал Элюль, политические действия будут утрачивать реальную силу, становясь просто спектаклем и формальностью, их заменит «игра техник».

По мнению Элюля, технократы правят в современных обществах, они убеждены, что техника может решить все человеческие проблемы, обеспечить людям свободу и счастье, демократию и справедливость. На деле техника все более подчиняет себе человека, она доминирует повсюду, развитие общества в целом управляется согласованной силой науки и техники.

У человека в техницистском обществе атрофируется разумное поведение. Человек живет в искусственном мире, в искусственном пространстве и искусственном времени, что вызывает у него различные неврозы, неравновесия. Телевидение, пресса ставят как бы экран между человеком и реальностью. Он как бы загипнотизирован, не живет, а галлюцинирует. Безрассудством является, по Элюлю, абсолютный научно-технический прогрессизм. Подобное безрассудство проявляется в сфере вооружения, загрязнения среды, ядерного производства, при таком поведении не принимают в расчет будущее. Современный человек интегрирован в техническую систему, «его обязанность – трудиться и потреблять, не вмешиваясь в общий ход дел, предоставив его политикам и технократам, результатом может быть духовное или материальное коллективное самоубийство»²². Человек находится в материальных и технологических тисках, он уже целый век спускается «по лестнице абсолютной необходимости, судьбы, фатальности»²³.

²¹ Ibid. P. 239.

²² Ellul J. Le bluff technologique. P., 1988. P. 477.

²³ Ibid. P. 478.

Но при всей мрачности таких прогнозов Элюль апеллирует к «социализму свободы», к тем островкам человеческой культуры, которые еще не подчинены рационализации. Став свободным человек сможет, лишь сознав свою несвободу, освободившись от поработавшей власти техники. В этом пункте Элюль смыкается с К. Касториadisом, которого он считает одним из главных теоретиков «социализма свободы» и критиком индустриальной и постиндустриальной рационализации, существующих науки и техники.

От Арона Элюля отличает и отношение к свободе исторического выбора. Если у Арона рациональное и иррациональное в форме исторического выбора сосуществуют в истории, то Элюль как социалист, хотя и очень своеобразный, считает свободным исторический выбор субъектов истории, только когда он направлен против ее рациональных структур. В противовес ранним социалистам индустриальной эпохи, которые боролись против «социальных абстракций» в виде рынка и представительной демократии, Элюль выступает противником любых форм социальной рационализации и в защиту свободы индивидов, их спонтанных устремлений. Это специфическое понимание свободы, которое направлено против рационального, свойственно нетрадиционным западным левым типа Элюля или Касториadisа. Последний отстаивал даже тезис о том, что человечеству нужны другие наука и техника взамен тех, которые сформировались на Западе и угрожают подчинить себе весь остальной мир. Если Арон, как либерал, стоял на защите западного мира и, в конечном счете, подчеркивал его приоритетную роль в качестве модели индустриального роста, то левые типа Элюля и Касториadisа провозглашали необходимость для отсталых регионов мира отказаться от западного пути рационализации общественной жизни.

Это маленькое отступление, касающееся Элюля и других нетрадиционных левых, свидетельствует о довольно сильной идейной оппозиции, с которыми сталкиваются принципы философии истории Арона. Он настаивал на том, что мир универсален частично, универсальность привносят в него наука, техника, производство. Что касается других сфер общественной жизни, то в них отсутствует универсальность, они демонстрируют гетерогенность культур. Теоретики, принадлежащие к нетрадиционным левым, говорят о распространении рационализма на все стороны общественной жизни, в том числе и на культуру (массовизация

культуры). На практике это может означать перспективу полной универсальности (рационализации) мира, в котором стирается автономия культур. Конечно, это перспектива очень отдаленная, но и Арон ее невольно предугадывал, когда сделал вывод о том, что Запад показывает образец развития менее продвинутым регионам. Он со своим методом идеальной типизации хотел составить

оппозицию марксизму с его линейно-восходящим прогрессом, в котором развитые страны демонстрируют отстающим их будущее. Но в итоге он пришел почти к тому же самому, заявив о превосходстве западного пути развития в мире. А это свидетельствует о теоретической уязвимости исходных точек ароновского метода идеальной типизации индустриальных обществ.

Список литературы:

1. Арон Раймон. Мемуары. М., 2002.
2. Борисов С.В. Скерцо или Наука и разум // NB: Философские исследования. 2013. № 9. С. 212-332. (DOI: 10.7256/2306-0174.2013.9.5105. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_5105.html).
3. Ломтев А.В. Теория Универсальной истории Фукуямы // Политика и общество. 2011. № 7. С. 92-98.
4. Aron R. Dix-huit lecons sur la societe industrielle. P., 1962.
5. Aron R. Introduction a la philosophie de l'histoire. P., 1968.
6. Aron R. La lutte des classes. Nouvelles lecons sur la societe universelle. P., 1964.
7. Aron R. Les desillusions du progres. P., 1969.
8. Aron R. Sociologie des societes industrielle. P., 1964.
9. Ellul J. La technique ou l'enjeu du siecle. P., 1954.
10. Ellul J. Le bluff technologique. P., 1988.

References (transliteration):

1. Aron Raimon. Memuary. M., 2002.
2. Borisov S.V. Skertso ili Nauka i razum // NB: Filosofskie issledovaniya. 2013. № 9. S. 212-332. (DOI: 10.7256/2306-0174.2013.9.5105. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_5105.html).
3. Lomtev A.V. Teoriya Universal'noi istorii Fukuyamy // Politika i obshchestvo. 2011. № 7. S. 92-98.
4. Aron R. Dix-huit lecons sur la societe industrielle. P., 1962.
5. Aron R. Introduction a la philosophie de l'histoire. P., 1968.
6. Aron R. La lutte des classes. Nouvelles lecons sur la societe universelle. P., 1964.
7. Aron R. Les desillusions du progres. P., 1969.
8. Aron R. Sociologie des societes industrielle. P., 1964.
9. Ellul J. La technique ou l'enjeu du siecle. P., 1954.
10. Ellul J. Le bluff technologique. P., 1988.